

Да только онемел от негодования. Она меня кошкой назвала! Какая низость! Но виду я не подал. Только взглянул на неё свысока. Потом она сказала, что кое-кто по имени Анна со мной точно подружится. Анна? И я замурчал как можно любезнее – чисто из любопытства. А когда родители Анны понесли меня к машине, я наградил всех обитателей приюта надменным прощальным взглядом. Раз уж представилась такая шикарная возможность, нужно было её использовать на всю катушку!

Увы, скоро от моей эйфории не осталось и следа. Вы сами когда-нибудь на машине ездили? Я гораздо романтичнее себе это представлял. А на самом деле меня так укачало, что я чуть наизнанку не вывернулся. Лапы словно в желе превратились. Конечно, как тут за себя постоишь? И повесили они прямо там, в машине, на меня, беззащитного, кличку эту кошмарную. Сказали, что я задумчивый, прямо как настоящий античный философ. Кто такой философ, я не знал, а за поездку очень умотался! Пришлось им меня, античного и утомлённого, самим домой нести. А мама Анны накинула на переноску чёрную тряпку. Я уж было подумал: хоронить они меня, что ли, потащили? Но ведь

я ещё жив? Хотя уже сам в этом сомневался — так мне плохо было. Потом понял, что тряпку примотали всего лишь для маскировки, чтобы Анна меня раньше времени не увидела. У неё был день рождения на следующий день, и мне отводилась роль главного сюрприза.

Но у них ошибочка вышла: заперли меня в подвале, а там праздничный торт стоял. Ну откуда мне знать, что он не для меня? Хороший был тортик, только все вишни я повыплёвывал, конечно. Подумаешь, полакомился кот. Мама Анны так перенервничала, когда увидела утром, что осталось от торта! Я сначала подумал, что теперь они меня обратно в приют отправят. Даже начал особое выражение морды

репетировать. Чтобы поприветствовать всех приютских, когда меня туда привезут. Ну, такое, знаете... Как будто я сам решил вернуться. Добровольно. И подождать, пока кто получше для меня найдётся. Уф, но всё обошлось. Оставили. Может, мама Анны испугалась, что мне в машине опять будет плохо? Вот только с тех пор они перестали тортики в подвал ставить. Лично я считаю, что зря.

Всего-то двух недель не хватает до полного года. Да, вот уже год, как я живу у Фритцевски. А они всё ещё не научились пунктуальности. Не хотят понять, что для кота график — важнее всего! Спят допоздна! Особенно по выходным. Приходится ждать целую вечность, пока кто-нибудь наконец меня накормит. Мой живот порой урчит громче, чем я сам мурчать умею. А толку? Никакого. Даже Анна и та не просыпается, как ни буди. Столько раз я пытался!

Вот и сейчас они спали. Видимо, пришла пора искать другие способы воздействия. Первым делом я побежал на кухню и осмотрелся. Здесь было полно пустых стаканов. Ага, значит, праздновали вчера! Взлетел на стол. И тут мой хвост — а что я могу поделаться, раз у меня такой прекрасный длинный хвост? — как будто

сам по себе нечаянно задел один из стаканов, и тот упал на пол. ДЗИН-Н-НЬ! Ну хоть теперь проснётся кто-нибудь в этом доме?

О нет! Как же я неудачно прыгнул, прямо на осколок! Кровь! Аристотель истекает кровью!

Пять прыжков вверх по лестнице и ещё один – прямо к Анне в постель. Она сразу же проснулась!

– Ну почему ты мне никогда не даёшь выспаться, Аристотель? – заворчала заспанная Анна. – Суббота же! Чего ты опять встал так рано?

Рано? Она правда сказала «рано»? На дворе день, наверняка уже где-то полвосьмого! Тогда я подставил раненую лапку прямо к носу девочки, чтобы та заметила. Она тут же подскочила на постели:

– Да ты весь в крови! Бедный мой Аристотель! Что случилось?

Ага, слышите? Такой тон мне гораздо больше нравится.

Всего мгновение — и Анна как будто и не спала вовсе. Она вихрем ворвалась в родительскую спальню:

— Аристотель порезал лапу!

Папа зарычал из-под одеяла:

— Ты бы хоть постучала, что ли, прежде чем вваливаться...

— Ага, мне стучать велите, — запротестовала Анна, — а Линде, значит, можно всю ночь у вас в кровати спать?! Мне вы такого не позволяли, даже когда мне было четыре!

Тем временем Линда уже проснулась. Хоть кто-то вовремя встал в этом доме. Девочка спрыгнула с родительской кровати, убежала в свою комнату и притащила оттуда ужасно громкую пластмассовую машинку с полицейской сиреной. Линда подошла к Анне и спросила:

— Поиграешь со мной?

Вот как мало им надо, чтобы напрочь про меня забыть! Вскоре встала и мама Анны, она взяла меня и пошла на кухню, чтобы вытащить стеклянную занозу из моей лапки. А Анна крепко держала меня. Ай! Это было очень больно!

— Может, сегодня займёмся ремонтом в моей комнате? — спросила Анна, когда они закончили меня мучить и сели завтракать.

Мама этому вопросу совсем не обрадовалась.

— У папы спроси. У меня совершенно нет времени, надо ещё уйму сочинений проверить...

Я уже говорил, что мама Анны — учительница? Надеюсь, со своими учениками она куда лучше справляется, чем с домочадцами.

— Вы всё обещаете и обещаете! — расстроилась Анна. — Моя комната похожа на детскую какой-нибудь четырёхлетки. Розовые стены, везде игрушки... А через две недели у меня, между прочим, день рождения! Что обо мне подруги подумают?

Что?! Э-э-эй! Почему Анна всегда только о себе и говорит? Разве она позабыла, что её день рождения — он и мой тоже? Кто, в конце-то концов, сидел почти год назад во главе праздничного стола? Но нет, увы, даже за завтраком обо мне никто не вспомнил. Фр-р-р! Но если сделать перестановку, у Анны в комнате наверняка освободится местечко и для меня! Поэтому я запрыгнул к Анне на колени и принялся усердно кашлять — конечно, по-кошачьи: пусть знает, что тот, кто обречён вечно жить в сыром подвале, может очень серьёзно заболеть.

– И я хочу перекрасить стены, – добавила Анна. – Надоел этот розовый!

– Да ну? – удивился папа. – Это с каких пор?

– Хочу бежевый. Как у Клары. Ей родители недавно комнату перекрасили.

– Фритци-малярици, – тут же наградил её Олли очередным прозвищем.

В отместку Анна принялась пинать его под столом, да так, что я упал с коленей. Девочка шипела:

– Ты мне надоел! Как жаль, что ты мой брат!

– Олли, ты поел? – со вздохом спросила мама. – Тогда можешь выйти из-за стола.

– Ах так?! Меня здесь больше не желают видеть? Ну, потом не просите вам мебель туда-сюда передвигать! – Олли возмущённо выскочил из-за стола.

Вдруг Анну осенило:

– Я хочу большое зеркало. Его можно будет повесить на ту стенку, возле которой сейчас стоит стеллаж.

Мама покачала головой:

– Пусть стеллаж стоит как стоял, Анна. А иначе куда девать твои школьные вещи и учебники?

— Но там единственное подходящее место для зеркала! — заныла Анна. — Остальные-то стены косые!

Ох, как же мне порой жалко родителей девочки. Хотя я, конечно, всегда на стороне Анны.

— А почему мне нельзя с Линдой комнатами поменяться? У неё места гораздо больше, и сама она меньше!

Тогда папа Анны не выдержал и застонал в голос:

— Нет, вы только послушайте! Я прекрасно помню, как ты требовала, чтобы именно тебе отдали комнату в мансарде!

— Ну, это когда было, — пожала плечами Анна. — Теперь комнатка стала маловата.

Папа принялся убирать грязную посуду, оставшуюся после завтрака. Да так громко, что на весь дом было слышно!

— Сначала перестановка, потом вдруг понадобилось стены перекрашивать, а теперь ещё и комнаты менять? И не говорите потом с мамой, что я помогать не хочу. Я-то помогу, но прежде определитесь, что вам нужно!

И папа Анны скрылся в своём кабинете, громко хлопнув дверью. Он философ, то есть такой человек, который всё время размышляет о судьбах мира и о том, что в жизни главное. Прямо как тот Аристотель, в честь которого меня назвали. Хотя лично я давным-давно бросил попытки понять мир. Какое там, семейку бы эту понять.

Мама погладила Анну по голове.

— Мы перекрасим стены, Анна. Как-нибудь потом. Пока разбери вещи, которые нужно отнести в подвал.

Так, а меня кто будет гладить, интересно? А утешать? Анне явно не до этого. Она ушла в свою комнату, завалилась на кровать и позвонила Кларе:

– Потом! У нас в семье «потом» значит «никогда»!

Я слышал, как Клара пыталась приободрить подругу, но та продолжала трещать без умолку:

– Вот так всегда! И собаку не дарят, а я о ней всю жизнь мечтаю! Спорим, и на этот день рождения не дождусь?

Что-что? Мне показалось? Она правда сказала «собака»? Анна хочет собаку?

Я принялся лапой прочищать уши – думал, что ослышался. Зачем Анне какой-то пустобрёх? У неё же есть я! Нет, такого просто быть не может.

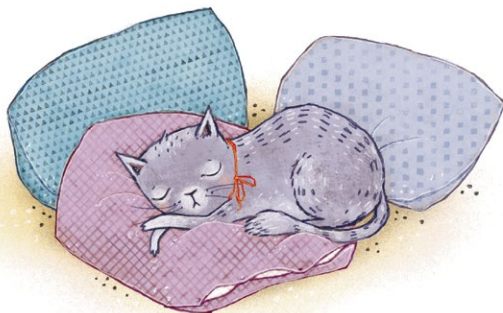
– Пойду спрошу, можно ли у тебя переночевать, – продолжила Анна. – В этой ужасной розовой комнате я больше никогда спать не буду. Сами виноваты!

Анна ушла. Про меня, похоже, она опять забыла. Я забрался на подоконник и смотрел, как она шагала прочь от дома с рюкзаком за плечами. Я так ждал, что она мне хотя бы помашет рукой, как обычно делает, уходя в школу. Но увы. Напрасны были мои ожидания. Внезапно у меня заболел живот. Как будто я слопал целый праздничный торт. А она даже

не обернулась. Ну конечно, откуда ей было знать, что у меня болит живот?

Я просто не верил своим ушам. Может, Анна не говорила «собака»? А что тогда? Зевака? Атака? Бумага? Она же себе в комнату хотела колонки – вдруг есть такое название фирмы в рифму со словом «собака»? Или Анне настоящая собака нужна? Она любит мягкие игрушки. Точно! Вот это похоже на правду. Не может же нормальная умная девочка мечтать о каком-то пустобрёхе?

Немного успокоившись, я прыгнул к Анне на кровать и решил прямо здесь и заночевать. Девочки дома нет, поэтому никто меня не хватится. А розовые стены – ну кому они мешают? Мне кажется, что так очень даже уютно. Да кто ж кота-то спросит?

Ах, до чего же дома хорошо! Главное, тихо. Линда была ещё в садике, Олли ушёл на занятия – он учился играть на барабанах. А я сидел на подоконнике и нежился в солнечных лучах – они красиво переливались на моей шубке. Через стекло солнце, кажется, грело сильнее, чем на улице, – правда, не могу вам объяснить почему.

Зато могу объяснить, почему я не сидел на кровати Анны, на моём любимом месте. Просто сейчас там творился полный бардак. И на полу тоже – чего только не было! А в центре восседали Анна и Клара – девочки разбирали старые игрушки. Хотя мне, наверное, стоило порадоваться: может быть, они повыкидывают всё лишнее и для меня освободится местечко?

Но если эти девчонки продолжают работать в том же темпе, они и до Нового года ничего не успеют! Между тем комната должна быть через неделю готова: гости придут на день рождения Анны. Нет же – подружки вовсю болтали, играли. Сначала построили лабиринт и катали в нём шарик от настольного тенниса,

потом за карты взялись. А сейчас башню возвели из деревянных кубиков. Она то и дело у них рушилась — девочки визжали от восторга.

Попробовал я было помочь — хвостом махнул, а Анна на меня принялась ругаться:

— Аристотель, уходи отсюда! Не путайся под ногами!

Поэтому я обиделся и лёг на подоконник. Нельзя так со мной обращаться! Я в последнее время столько всего пережил, просто ужас какой-то! Ну вот скажите, есть ли ещё семьи, в которых одну-единственную комнатку готовят к покраске аж целую неделю? Ведь Анна всё же сумела на своём настоять. И это значит — семь дней крик, беспорядок, грязь повсюду. Помните, по всему дому ботинки валялись? Теперь к ним ещё и малярные инструменты добавились. Шкаф и уютную кровать затащили плёнкой, Анна ушла спать в комнату к Линде. И везде эта краска! Мокрая и противная!

Ну и вишенка на торте — Анне вдруг разонравилась краска для стен, которую она хотела. Вот это был спектакль! А девочка, между прочим, сама с папой в магазин стройматериалов ходила, и краску они вместе выбирали. Не успели одну стену докрасить, как всё стало не так.

– Это же гораздо темнее, чем у Клары, – жаловалась Анна. – Они нам не ту краску продали!

Но что поделать? Папа Анны наотрез отказался ещё раз ехать в магазин, а мама сказала, что на больших поверхностях краска всегда выглядит немного иначе, чем на маленьких образцах.

– Немного?! – возмутилась Анна. – Ничего себе «немного», это почти тёмно-коричневый получился!

Олли, конечно же, снова не удержался и придумал новое прозвище. Он то и дело его менял под настроение:

– У Фротци на стенах тошнотци!